

“я овладел искусством старения лучше, чем многие другие”

Владимир Спиваков — Газете

Владимир Спиваков — один из явных победителей уходящего сезона: за год ему удалось создать симфонический оркестр и провести фестиваль с заметным количеством звезд, не говоря уже о руководстве Московским международным домом музыки и работе с камерным оркестром «Виртуозы Москвы». Итоги сезона вместе с маэстро Спиваковым подводил корреспондент Газеты **Илья Овчинников**.

Владимир Теодорович, встречается ли вам сегодня музыкальная критика, которую вы назвали бы профессиональной, или она перестала вас интересовать? Перестала. У меня нет времени читать газеты. Настоящей критики у нас нет — она, как правило, оскорбительна. Бывает, что мне звонят музыканты и говорят: «Нас страшно обидели, назвали стадом баранов». Поэтому беседовать на эту тему у меня никакого желания нет. Кроме того, если вы вспомните, что писала о Малере и Шостаковиче современная им критика, то увидите гигантскую диспропорцию между великой личностью и теми, кто на нее замахивается. Не хочется обижать вас как критика, но в большинстве случаев критики не могут ничего создать — им под силу лишь оболгать, обругать, не понять. Многие из них плохо учились, многие — недоучки, а уже стали критиками. Меня это крепко закалило и больше не затрагивает. Это все ничто на фоне музыки. Она — великий духовный мир, к которому я имею счастье прикоснуться и почувствовать вечность. Это невероятный подарок судьбы. ► **СТР 11**

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

РЕВЮ

портрет

“я овладел искусством старения лучше, чем многие другие”

Владимир Спиваков — Газете

Владимир Спиваков: «Возраст будет дигать меня от скрипки к дирижированию. От физиологии вы никуда деться не можете» Фотограф: Владимир Афанасьев/Газета

01 СТ

Уходящий сезон был для вас довольно сложным: вам удалось организовать фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...», создать Национальный филармонический оркестр и при этом не забыть о «Виртуозах Москвы». Довольны ли вы итогами сезона?

Это было действительно непросто, могу сказать, что я практически себе не принадлежу. Тем более что и в Доме музыки приходится заниматься организационными вопросами и решать их на достойном уровне. Начну с «Виртуозов Москвы»: связь с ними продолжается, за год мы записали три новых диска на фирме Carlsbad. Два из них уже вышли. На одном — наше приношение Альфреду Шнитке, причем там есть сочинение, которое раньше никем не записывалось, — это посвященный мнеopus «Пять фрагментов по картинам Босха».

На другом — музыка Арво Пярта, причем надо знать Арво: хотя он мне доверяет и нас связывает долгая дружба, он запросил у фирмы нашу запись перед тем, как дать разрешение на ее выпуск. И я понимаю, что без его согласия мы диск не выпустим.

Но Пярт разрешил, ему очень понравилось. Там есть редкое сочинение, изумительное по красоте — «Summa», оно у нас практически никогда не игралось. Плюс «Моцартадажио», очень интересный коллаж на темы Моцарта. Плюс «Frates», «Берлинская мес-

са» с хором Попова, заупокойная песня памяти Бриттена и коллаж на тему Баха. Через пару недель должен выйти диск, где записаны Шенберг, Веберн, Барток. Причем президент Carlsbad мне сказал, что после этого диска он аннулирует остальные записи «Просветленной ночи» Шенберга из своего каталога, поскольку лучше нашей он не слышал. Так решила комиссия из семи экспертов-музыковедов, специалистов по Новой венской школе.

Это очень приятно. А чего добился за год Национальный филармонический оркестр?

За год создать оркестр — вы, наверное, понимаете, что это подвиг. Говорю не хвалясь. От первого концерта, состоявшегося 27 сентября, до того, который состоится 23 мая, пройден довольно большой путь. Сыграно много сочинений, проведена серьезная работа с отдельными группами по строю, интонированию, унификации и ощущению друг друга, ведь, по словам Шекспира, «смотреть — еще не значит видеть, слушать — еще не значит слышать». Только что была очень важная поездка по России — это были города Сибири и Урала плюс Минск.

Дирижировали концертами вы?

Да, только я — люблю ездить по России. Причем иногда афиши были забавные — название оркестра, мой портрет и рукой написано: «Приедет сам!!!» Во многих городах,

когда я ночью спускался с трапа самолета, нас встречало телевидение. Я им: ну как можно снимать человека после того, как он три часа летел, не выспавшись... Они мне: вы не понимаете — мы завтра утром дадим это в новостях, чтобы люди знали, что вы действительно приехали.

То же самое происходило в провинции во время Пасхального фестиваля, когда в ряде городов принимающая сторона спрашивала: а где гарантии, что к нам действительно приедет настоящий Гергиев? Именно так. В общем, поездки — крайне важная история для оркестра. С НФОРом мы также записали три диска. На первом из них — программа, которая будет исполняться к 60-летию Победы. Там записано сочинение Исаака Шварца, посвященное холокосту, основанное на его детских воспоминаниях. Второй и третий диски мы закончили вчера. Туда вошли две симфонии Чайковского, а также «Симфонические танцы» Рахманинова и его Третий концерт с Денисом Мацуевым. Причем «Симфонические танцы» безумно трудны по исполнению, по форме, по содержанию, это духовное завещание композитора, которое мне очень близко. Музыку Рахманинова я люблю, думаю, что на это во многом повлияла моя дружба с Евгением Федоровичем Светлановым. Когда я был солистом Государственного оркестра СССР, я не раз видел, как он работает над Рахманиновым. Однажды, после одного

камерный оркестр «Виртуозы Москвы» подвел итоги сезона

концерт

безумный парад наступает

В сочинении «Смерть и девушка» Владимир Спиваков черпал столько энергии, что был готов влезть Фотограф: Владимир Афанасьев/Газета

ГЛАВНОЙ ЗВЕЗДОЙ ФЕСТИВАЛЯ «Владимир Спиваков приглашает...» называли Джесси Нормана, а главным героем — Национальный филармонический оркестр России, для которого фестивальные концерты были дебютными. Между тем лучшим свою программу Норман тогда спел не с НФОРом, а с «Виртуозами Москвы», которым досталась самая сложная и изысканная часть репертуара. Безусловной удачей фестиваля стал вокальный цикл Бриттена «Озарения» в исполнении «Виртуозов» и Тоби Спенса. Заглавная строка «Оза-

рений» — «Я один владею ключами к этому безумному парад» — стала негласным девизом фестиваля: Владимир Спиваков регулярно цитировал ее в те дни. И тот факт, что «Виртуозам» был отдан ряд важнейших сочинений фестивальной программы, лишний раз подтвердил: они были и остаются любимым детищем Спивакова, которое он ни на что не променяет.

Достаточно изысканной оказалась и программа, которой «Виртуозы» закрыли сезон: «Дивертисмент» Бартока, Concerto lantano Родиона Шедрина и квартет Шуберта «Смерть и девушка» в оркестровом переложении Малера. Исполнение музыки Бартока уже само по себе событие — его сочинения, регулярно звучащие во всем мире, отчего-то обходят стороной именно Москву (так, Юрий Башмет недавно игнорировал альтовый концерт Бартока аж в Новокубышевске). «Виртуозам Москвы» удалось показать «Дивертисмент» как объемное и разноплановое сочинение: на первый взгляд эта музыка кажется веселой и танцевальной, однако сквозит несвежее, а оркестровая обработка добавила картине типично малеровских интонаций, напоминающих о его траурных маршах. Временами казалось, будто Спиваков готов взлететь, однако это движение выглядело настолько естественным, что нельзя было не поверить в искренность слов маэстро о сопереживании с вечностью во время музицирования. Последний в сезоне концерт «Виртуозов» Спиваков завершил бисами Шуберта и Бартока, придав программ

е своеобразную кольцевую композицию.

сикой; ожидает ли это Concerto lantano, несущий номер 6, покажет время. В исполнении Екатерины Мечетиной Российская премьера концерта показалась ребусом, который, однако, было не слишком интересно разгадывать: мелодичное соло фортепиано на фоне медитативных струнных, сменяющееся напевами струнных под медитативный роуль, — не новость. Немало музыки в подобном роде ежегодно исполняется на «Московской осени», однако последнюю «Осеню» завершала щедринская же Parabola concertante, поразившая оригинальностью и глубиной. Впрочем, эксперементы живого классика интересны в любом случае.

Вечер завершил квартет Шуберта «Смерть и девушка» в оркестровом переложении Малера. Если музыкой Бартока и Шедрина Спиваков дирижировал в меру расщудочно, то в Шуберте он наконец смог полностью отдаться чувству, будто растворившись в музыке. Экспрессивное исполнение без перерывов между частями придало сочинению особую возбудительность, а оркестровая обработка добавила картине типично малеровских интонаций, напоминающих о его траурных маршах. Временами казалось, будто Спиваков готов взлететь, однако это движение выглядело настолько естественным, что нельзя было не поверить в искренность слов маэстро о сопереживании с вечностью во время музицирования. Последний в сезоне концерт «Виртуозов» Спиваков завершил бисами Шуберта и Бартока, придав программ

е своеобразную кольцевую композицию.

газета

бессмертный виртуоз

Владимир Теодорович Спиваков родился 12 апреля 1944 года в городе Уфе, однако вскоре семья переехала в Ленинград, где он начал обучаться игре на скрипке в музыкальной школе при Ленинградской консерватории. Затем судьба забрасывает Владимира Спивакова в Москву, где он и продолжает учебу в консерватории в классе Юрия Янкелевича, однако при этом посещает и занятия великого скрипача Давида Ойстраха. После получения ряда престижных международных премий Владимир Спиваков начинает успешную международную карьеру, одновременно преподавая в Музыкальном педагогическом институте им. Гнесиных. В 1979 году он дебютирует в качестве дирижера и в этом же году создает знаменитый камерный оркестр «Виртуозы Москвы», с которым и будет связана его дальнейшая творческая деятельность. Владимир Спиваков — Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР (1989), кавалер ордена Почетного легиона (Франция, 2000).

из концертов в Стокгольме (у него в это время был трудный период в жизни, ему не спалось, он чувствовал себя очень одиноким), он позвонил мне, попросил зайти к нему в номер и неожиданно спросил: «Ты веришь в переселение душ? Мне кажется, что душа Рахманинова переселилась в меня». И зерно правды в этом есть, во всяком случае, в искусстве.

Планируете ли вы уже сейчас следующий фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...»?

Планы есть, нужны средства. Через один сезон постараемся его провести, если правительство Москвы нас поддержит и впишет фестиваль в бюджет. Бежать и просить денег я не могу. А идея насчет следующего фестиваля не малая — мне помогает опыт руководства фестивалем в Кольмаре. За шестнадцать лет диапазон моего общения необыкновенно расширился: туда приезжало много артистов, с ними я играл, работал, ужинал, пил элитское вино... в нормальных количествах.

Акустика Большого зала Дома музыки, о которой так много говорилось, до сих пор оставляет желать лучшего, хотя летом этот вопрос уже пытались решить. Как он будет решаться в дальнейшем?

Несколько положительных моментов могу назвать: во-первых, я настоял на том, чтобы из-под сцены убрали стекловату, иначе казалось, что ты стоишь на гребной доске из гранита, а не на деревянном полу. Во-вторых, сейчас акустика улучшается сама по себе из-за того, что там постоянно проходят концерты: зал начинает дышать, вибрировать, публика согревает пространство своей энергетикой — точно вам говорю. В-третьих, скоро будет установлен орган: этот момент точно заберет, а что-то и прибавит. Кроме того, я убедил Юрия Михайловича Лужкова в том, что после такого капитального вложения, какое было сделано Москвой для строительства зала, нужно добавить еще и довести это дело до ума. Мне все-таки хочется, чтобы акустика была естественной. Электронную можно сделать всегда, за рубежом подобных опыт освоено, но стоит это около двух миллионов долларов. Хотя многие из таких залов звучат здорово, только некая искусственность все же есть. Слишком уж стерильно. Просто я не грабитель и не привык грабить казну.

В последнее время вы нередко говорите о том, что все труднее совмещать дирижирование с игрой на скрипке.

Тем не менее вчера я записал соло из «Лебединого озера». А перед этим сыграл в Ереване симфонический концерт из сочинений Брамса, Шнитке, Пярта и Рихарда Штрауса. Но возраст будет меня двигать в сторону дирижирования. Потому что от физиологии вы никуда деться не можете.

Вас, надеюсь, не обидят мои слова о том, что для НФОРа будет тем лучше, чем больше опытных и талантливых дирижеров с ним работает. В декабре оркестром дирижировал Джеймс Конлон, в марте — Теодор Курентзис, а кого вы пригласите на следующий год?

Это, конечно, не обидно — человек я не ревнивый. Конлон опять приедет, оркестр ему

понравился. В декабре он будет дирижировать Девятой симфонией Бетховена, есть и другие планы. Хочу пригласить Дональда Ранникла из оперы Сан-Франциско, недавно я с ним играл в Карнеги-холле. Будут работать также и Владимир Симкин, и Теодор Курентзис, и Томас Зандерлинг. Все это коллективу на пользу.

Однако дирижер Юджин Кон, приезжавший вместе с Пласидо Доминго, не выглядел профессионалом высочайшего уровня. Скоро с НФОРом будут петь Хосе Каррерас и Кири Те Канава, которые также привозят с собой своих постоянных дирижеров — хорошо ли это для оркестра?

Что касается Пласидо Доминго, то он написал мне благодарственное письмо, где говорил о своем желании приехать и дирижировать Национальным филармоническим оркестром. Да, часто бывает, что артисты берут с собой не профессиональных дирижеров в привычном нам смысле слова, а тех, с кем им удобно петь, кто знает, где им надо сделать вдох, а где взять паузу. Это почти как в балете. Я согласен с вами, что это может отрицательно сказываться на качестве. Но лично у меня впереди концерт с Марией Гულегиной.

В вашем коллективе много музыкантов из Российского национального оркестра, которым вы руководили три года с лишним. Следите ли вы за тем, что происходит в РНО после вашего ухода и его кадрового обновления?

У меня тридцать восемь музыкантов, перешедших из РНО, а следить за работой оставшихся мне некогда. Следить за кем бы то ни было — не моя профессия. Музыкантам РНО я очень благодарен — работая с ними, я приобрел хороший опыт и многому у них научился, а в основном — это перенятая традиция моей биографии.

Вас как-нибудь меняет руководящая должность?

Абсолютно никак. Я только каждый раз удивляюсь и не верю своим глазам, глядя на табличку с надписью «Президент Московского международного Дома музыки». Просто хочется успеть что-то хорошее сделать: чтобы в зал стала ходить публика, чтобы там возникла своя атмосфера, чтобы тропа была протоптана. Кроме того, в моем возрасте люди уже не очень меняются. Хотя стареть, я считаю, — это очень большое искусство.

Вы им овладели?

Думаю, что да. В значительно большей степени, чем многие другие.

Что можно сделать в современной России, чтобы поднять престиж классической музыки, чтобы было больше концертов и выходило больше пластинок?

Необходимы объединенные усилия. Все, что зависит от меня, я делаю очень честно и добросовестно, работаю по 12 часов в день, — с десяти утра до десяти вечера. А вообще, есть масса вопросов, над которыми стоит задуматься, — в частности, это сохранение общего культурного пространства. Ведь мы в одной из стран, образовавшихся после распада СССР, нет Дома русской культуры. Мне представляется это важным.

Утрата Газета 2004 - 14 мая - с. 11

“уходит эпоха”

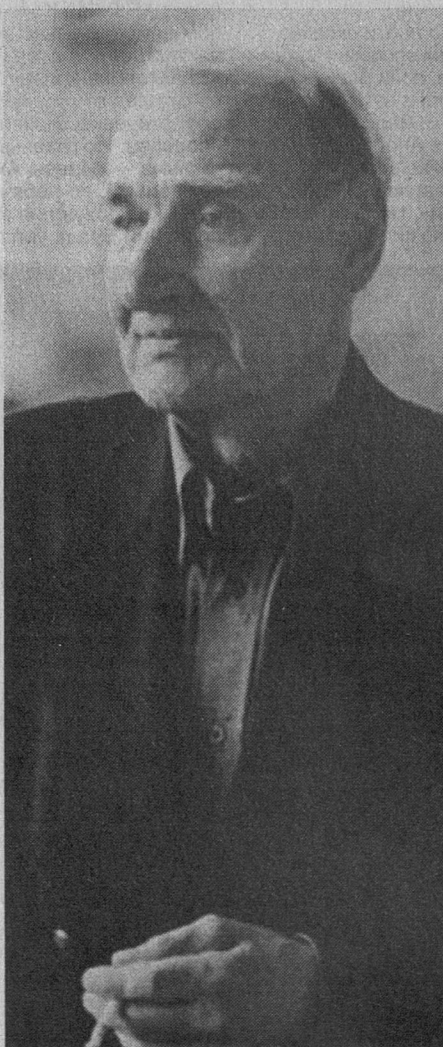
Валентина Ежова вспоминают коллеги по кино

Вчера состоялись похороны знаменитого сценариста Валентина Ежова, автора сценариев ко многим известным и любимым зрителями фильмам: «Белое солнце пустыни», «Баллада о солдате», «Тридцать три», «Сибиряда». Коллеги и соратники вспоминают о нем прежде всего как о прекрасном, необычайно веселом и обаятельном человеке, способном влюбить в себя с первого взгляда и навсегда.

Андрей Смирнов, актер, режиссер: «Это был необыкновенно легкий человек. Никто никогда не видел, как он работает. Рассказывали, как он выпивает, какие у него романы с дамами, как его любят красотки и так далее. Когда он работал, никто не знал. И так, кажется, между делом, человек сделал около сотни картин, в том числе бессмертные и необыкновенно талантливые, как «Белое солнце пустыни»».

Александр Гельман, драматург, сценарист: «Как мне представляется, он как сценарист очень правильно относился к своей профессии. Не очень серьезно. То есть серьезно, но... Видите ли, кино — это дело коллективное. Там и режиссеры, и артисты; что-то может измениться в процессе работы. И когда сценарист очень переживает за каждое свое слово, он все время ходит недовольным, в плохом настроении, потому что слова, которые он написал, меняют, сокращают, дополняют. Так вот: Ежов в этом смысле был замечательный профессионал. Никогда не горевал по поводу того, что его сценарий изменился — речь идет не об изменениях цензурных, а только о творческих, цензурой он возмущался, как и все мы. Он считал, что сценарий надо опубликовать, чтобы тот, кто интересуется, мог прочитать первоначальный текст. Но слишком переживать по поводу того, что с твоим текстом что-то происходит, не следует. И благодаря этому не то чтобы легкомысленному, а скорее мудрому отношению к своей работе он всегда очень активно участвовал в фильмах, помогая».

Александр Хван, режиссер: «Ежов Валентин Иванович — это эпоха. Когда увлекся кино в 14 лет, будучи еще ребенком, я уже знал эту фамилию. Даже странно было потом, что этот человек-легенда где-то рядом, его можно увидеть, поговорить с ним. Ведь многообразие того, что он сделал, даже вообразить сложно. Его творчество вдохновляло немыслимое количество людей, и люди раскрывались и делали талантливые вещи. Он оставил огромное творческое наследие. И когда уходит такая эпоха, сложно говорить о скорби. Когда умирает Чайковский или Лев Толстой, когда уходят такие люди, мы отчетливо и ясно осознаем масштаб такой личности, то, что закончилась целая эпоха, связанная с этим человеком».

Лауреат множества премий, в том числе Ленинской, Валентин Ежов всегда выглядел просто и скромно и в дружбе не делал различий между сильными мира сего и простыми людьми

колонка
Славы
Торчиной

женщина в теле

те, кого Бог окликает в толпе

На вручение общенациональной премии «Лица года» Сергей Безруков, победитель номинации «Лучший актер» (за роль Саша Белого в сериале «Бригада»), пришел в гриме Пушкина. Его речь следует высечь золотом на «Останкино»: «Я счастлив, что в моем лице и Пушкину достанется эта высокая награда». Трогательный союз «и» вызывает размышления о культурной иерархии.

Пушкину повезло: отныне он сакрализован наряду с Белым, героем бандитского эпоса. А вот представители литературы второй половины минувшего века пока не инвентаризованы. Свидетельство чему — майские юбилей писателей Виктора Астафьева (80 лет), Булата Окуджавы (80 лет), Юрия Домбровского (95 лет). Роман между литературой и ТВ всегда развивался не бурно. Поначалу зрительские предпочтения шли вразрез с официальной культурной стратегией. Когда все было под запретом, мы слыли самой читающей (особенно между строк) нацией. И как бы то ни было, экраны ни надрывались, назначая в заглавные прозаики какого-нибудь Георгия Маркова, по сию сторону лишь скептически ухмылялись, держа в руках томик Юрия Трифонова. Когда все стало можно, последовала смена вех — место Лотмана с Лихачевым в кадр заняли Донцова с Дашковой. Ныне ветры сменялись, в воздухе запахло стабильностью. А посему советские каноны, описав исторический круг, оказались вновь незбылемыми.

Астафьев как был, так и остался государственным достоянием. Его юбилею откровенно новостные выпуски, ему посвящались спецпроекты, к передаче «Солдатская правда» руку приложил сам Никита Михалков. Стоило Владимиру Путину посылить Овсянку, родину писателя, как скромное село превратилось в Нью-Йорк. Панорама местности в праздничных репортажах складывалась в основном из шагающих экскаваторов; корреспонденты захлебывающимися голосами докладывали о оданных досрочно новых объектах; количество и качество культурных изданий (Виктор Петрович с женой, двоюродный Ленин со Сталиным, на бронзовой скамейке, памятник царь-рыбе, мемориал у библиотеки и прочее) навевали мысли о тайном следе Зураба Церетели. Весь этот бурный индустриально-строительный видеоард вступал в дикое противоречие с патриархальной Россией, певцом которой и был Астафьев. Общественность, помпезность плохо уязвимая с той последней искренностью, что позволил себе в конце жизни этот непростой человек.

Наш народ непригоден для свободы: у нас добродушие рядом с жестокостью, жестокость — с остервенелостью, безволие — с огромной волей... 80-летие Булата Окуджавы в соответствии с канонами, означенными выше, носило частично-интеллектуальный характер. Государственная «Россия» юбилей не заметила, зато остальные каналы потрудились на славу. Можно себе представить, с какими сложностями сталкиваются те, кто занимается таким непростым делом. Ведь феномен Окуджавы — вещь в себе. С одной стороны, чем больше его помнят, любят, поют, тем лучше. Прямая трансляция вечера из дома-музея поэта в Переделкино (кстати, первый и весьма успешный опыт канала «Культура») показала, сколько светлых лиц можно все еще собрать в одном месте, если место выбрано правильно. С другой стороны, удручает однородность «датский» программ, заезженности юбилейного приема, выпяченного в стилистике «возмужавших рук, друзей». Мало того, что гимн шестидесятилетия плохо корреспондируется с двухтысячными, он не вполне адекватен и самому автору, чьи последние годы пронизаны трагическим мироощущением.

Имеется и более серьезное противоречие. Магический кристалл Окуджавы — его особая интонация. Прекрасно, когда «все поют стихи Булата». Важно, чтобы их пели где угодно, кроме телевизора. Особенно хорошо, как это привыкло делать дежурные барды с гитарками наперевес. Ведь магический кристалл Окуджавы — его особая интонация. А рентгеновские лучи ТВ тотчас безжалостно обнаруживают суть любой имитации — фальшь, которую органически не переносят поэт. Да и сама идея «хора» ему, позволившему себе роскошь стать первым свободным человеком в несвободной стране, думаю, претит.

Как бы то ни было, несмотря на огрехи юбилейного приема, двух своих замечательных сынов родина помнит, а вот о третьем, не менее замечательном, 95-летнем юбилее Юрия Домбровского, забыла начисто. Его память почтил только канал «Культура» давним отличным спектаклем «Ручка, ножка, огурочник». Подобная амнезия весьма красноречива. Писательские репутации до 90-х годов XX века складывались в эпоху недостоверной информации. Все лучшее, как правило, оставалось в столах. Главная книга Домбровского «Факультет ненужных вещей» на родине была опубликована только в 1988-м, через десять лет после его смерти. Роман вообрал в себя жизнь и судьбу автора, на чью долю выпало 25 лет «сталинских курортов» — так он сам называл ссылки, тюрьмы, лагеря из числа самых мрачных: Колыма, Дальний Восток, ташкентский Озерлаг... Не шесть алмазов в камнях пещерах русской литературы, но и там «Факультет» не затерялся. От мощного романа, написанного в страшные годы о страшных годах, веяло волей, как от человека.

Благодарные потомки книги не прочли, чем подтвердили гениальную прозорливость автора: «Факультет ненужных вещей» он называл право. Право — часть культуры. Наша культура уникальна: советская реальность исчезла, а советские идеологемы живы. Они лишь подкорректированы постсоветской табелью о рангах, где Домбровский опять не мест. Зато всегда есть место Маше Распутину (их дни рождения совпадают). Ни одну ее дату ТВ не оставляет без внимания. Звезда не остается в долгу. Нервно теребит бретельки, Маша сообщает телезрителям основополагающее: «Истина в Боге». На том и порешили.